

ВВЕДЕНИЕ

Гуманистические ценности являются неотъемлемым элементом в системе духовной культуры. О ведущей роли гуманизма в идейном сознании европейского человечества (по крайней мере, с эпохи Возрождения) можно говорить по следующей причине: ни одно философское, политическое, художественное, этическое, эстетическое направление или учение, претендующее на роль духовного и практического лидера европейской цивилизации, не обходилось без того, чтобы признать себя примером гуманизма. Безусловно, центром развития гуманистических ценностей была Флоренция, которую принято называть «столицей итальянского Ренессанса». С точки зрения развития итальянской науки и образования Ренессанс, заменивший культуру Средневековья, был ознаменован двумя взаимосвязанными и параллельно протекающими процессами: падением популярности и упадком университетов, с одной стороны, и возрождением интереса к академиям, с другой стороны. Представляется, что именно с создания итальянских академий в XV-XVI веках начинается формирование современной модели самоорганизации научного сообщества. Объединением итальянских литераторов и философов гуманистического направления, в рамках которого развивался флорентийский неоплатонизм, была именно Платоновская академия во Флоренции.

Актуальность темы исследования заключается в необходимости обращения к конкретному культурно-историческому контексту, к эпохе Возрождения для того, чтобы разобраться, в чем заключается новизна, уникальность гуманистических ценностей, а также, почему именно гуманистические ценности становятся традицией. Для современных европейских государств, а также для России, проблема гуманистических ценностей является частью животрепещущей задачи выбора своего исторического пути, становления национального самосознания.

Исследование гуманистических ценностей во взаимосвязи с Платоновской академией во Флоренции – вопрос, позволяющий раскрыть сущность, глубину, найти истоки данной проблемы.

Объектом исследования является гуманизм как система ценностей, взглядов и идеалов.

Предметом исследования является социально-философский анализ гуманистических ценностей, рассматриваемых как единство инновации и традиции в контексте академий эпохи итальянского Возрождения.

Цель данной курсовой работы — доказать, что именно Платоновская академия во Флоренции превратилась в центр гуманистической мысли Италии в эпоху Возрождения.

В соответствии с указанной целью в настоящей работе решаются следующие **задачи**:

- проанализировать этимологию понятия Платоновской академии;
- рассмотреть состав участников Платоновской академии, занятия, лекции академии и влияние на развитие системы гуманистических ценностей;
- раскрыть идейные искания Флорентийской Платоновской академии;
- проанализировать аспекты нравственного учения Флорентийской Платоновской академии: время, фортуна, великолепие, человечность.

Методологической основой работы служат всеобщий (диалектический) метод; общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, системный метод; частнонаучные методы: исторический, а также философский принцип историзма, герменевтический метод, логический метод.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1 ПЛАТОНОВСКАЯ АКАДЕМИЯ: ЭТИМОЛОГИЯ ПОНЯТИЯ, СОСТАВ УЧАСТНИКОВ И ЗАНЯТИЯ

1.1. Этимология понятия «Платоновская академия»

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово «академия» трактуется следующим образом: «Высшее ученое или учебное братство и самое заведение; общество ученых или художников, соединенных под этим названием на пользу науки; такое же учебное заведение, для подготовленных образованием молодых людей»¹. Представляется, что в российское философское сознание данное понятие вошло не совсем в том исходном варианте, который существовал во времена Фечино и Козимо Медичи. Попробуем разобраться в этимологии понятия.

Понятие «Платоновская академия» часто применяется в историографии для интерпретации Фечинова кружка единомышленников. В работах мыслителя-гуманиста появляется всего один раз: «Посему помогает она тебе, Платонический Лоренцо, всех взыскующих знаний и благой жизни, призвать присоединиться к *Платоновской академии*»². Не вызывает сомнения тот факт, что, говоря о «ней», автор имеет в виду философию. Путём анализа данной литературы и общеизвестных исторических фактов можно неверно предположить, что вышеприведённые слова из адресованного Лоренцо Медичи предисловия к первому изданию сочинений Платона, трактуются довольно прямо — призыв стать участником обособленной платонической организации. Однако рассуждения Фечино совсем о другом. Гуманист размышляет об определенных «вертограде любомудрия» или «садах Академии». «В садах Академии поэты услышат Аполлона, поющего под лавром; при входе в Академию ораторы увидят Меркурия, произносящего речь; в портике и во дворе правоведы и правители государств будут внимать

¹ «Толковый словарь живого великорусского языка» // Владимир Иванович Даль: Жизнь и творчество: Библиограф. указ. / Рос. гос. б-ка. НИО библиографии; Сост. О. Г. Горбачева; Ред. Т. Я. Брискман; Библиогр. ред. Е. А. Акимова. — М.: Пашков Дом, 2004. — С. 11. — 136 с.

² Фичино М., введение Б. Платон Лоренцо Медичи ... // Ор. Ст., С. 1129

самому Юпитеру, диктующему законы, устанавливающему права, повелевающему царствами. Наконец, во внутренних покоях философы узнают Сатурна, созерцателя небесных тайн. И повсюду священники и надзиратели священных вещей обнаружат оружие, коим они будут стойко защищать благочестие от его противников. Словом, сюда, сюда, призываю, идите все, кто почитает свободные науки, здесь вы обретете их, а равно и свободу жизни; сюда же приходите и те, кои воспламенены неугасимым огнем искания истины и стяжания блаженства, здесь с Божьей помощью вы добудете, как того желаете, истину и счастье»³, - вот, что пишет Фечино.

Гуманист Фечино всё описывает очень красочно и образно, постоянно прибегая к метафорам, олицетворениям и эпитетам. Из процитированного выше фрагмента его труда заметно, что «Сады Академии» автор понимает в переносном смысле, не имея в виду никакого утопающего в зелени сооружения, где размещалось бы определённый кружок.

Под «Академией» Фечино понимал учение древнегреческого философа классического периода – Платона, так как он делал перевод труда этого античного мыслителя. Аналогичное понимание понятия «академия» Фечино указывал и в письме к Бернардо Ручеллаи, когда просил у него денег на издание трудов Платона и утверждал, что «сия наша *Академия*, или *библиотека*, ежедневно производит на свет Платона на латинском языке, уже давно зачатого греческим семенем»⁴.

Термин «Академия» существовал и ранее. Он был упомянут, например, в произведении «Ликей». Там он использовался для указания на философско-правовую мысль Аристотеля.⁵ Однако у Фечино, как мы выяснили, данное понятие встречается абсолютно в иной трактовке. Представляется, что семасиология академии, когда гуманист рассуждает о ней, не поддаётся

³ Фечино М. Платоновское богословие о бессмертии души. Перевод О.Ф.Кудрявцева // Чаша Гермеса. М., 1996. С.176-211.

⁴ *Ficinus M. Negotiosum virum non esse temere interpellandum* // Ep. lib. VII. P. 859. 2

⁵ Цицерон М.Т. Тускуланские беседы. Киев, 1889. С. 11

однозначной буквальной интерпретации, поскольку смысл сознательно «размыт» мылителем.

В письме к Козимо Медичи от 04. 09. 1462 г. Фичино за предоставленную помощь, рассуждает об «Академии, которую ты [Козимо] для нас приготовил в селении Кареджи, словно некий храм созерцания»⁶. П. Вити – автор повестей о нравах гуманиста, ссылаясь на документ, по которому домик и угодья в Кареджи переходили к Фичино лишь 18 апреля 1463 г., считает, что Академия в цитированном письме обозначала не этот домик⁷; с Вити согласен и Ханкинс, который считает, что в этом же случае под «Академией» Фичино понимал сочинения Платона.⁸

Ханкинс считает, что есть схожесть понятий «академия» и «гимназия» у Фичино. Данное утверждение неоспоримо: Фичино, наверное, вслед за Цицероном, имел возможность трактовать эти термины как синонимы; Несмотря на это, исследователь обнаруживает в данном последнем слове не указание на место для ученых занятий или кружков, а на то, что Фичино руководил собственной школой, и что Академия была на деле всего лишь неформальным учебным заведением, одним из нескольких существовавших тогда во Флоренции частных училищ, которое посещали молодые люди, проходившие одновременно обучение в университете. В подтверждение своей догадки Ханкинс ссылается на описание риторических упражнений в «гимназии» Фичино, сделанном Бенедетто Колучи, и на несколько писем самого Фичино — в одном из них, к немецкому гуманисту Мартину Преннингеру (или Уранию), сообщается об окружении гуманиста, — из которых будто бы явствует, что «академиками» (*academici*) он называл лишь тех из близких ему людей, которые относились к разряду его «слушателей»

⁶ «...Academiam quam nobis in agro Caregio parasti veluti quoddam contemplationis sacellum» (SF. Vol. II. P. 88. См. МОЙ перевод этого документа: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 260, 261)

⁷ Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Mostra di manoscritti stampe e documenti. 17 maggio-16 giugno 1984 / Ed. S. Gentile, S. Niccoli, P. Viti. Firenze, 1984. P. 174-176, N 139, 140.

⁸ *Hankins J.* Cosimo de' Medici and the «Platonic Academy». P. 150; *Idem.* The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 435, 455.

(*auditores*), т.е. были его прямыми учениками.⁹

1.2. Состав участников и занятия

Истории известен факт, свидетельствующий о том, что летом 1492 г. Фечино направил в Германию Мартину Преннингеру (Уранию), перечень своих друзей, объединившихся «по общности занятий свободными науками».

Этот перечень и есть основной состав лиц, которых можно причислить к участникам Платоновской академии. Это учёное сообщество, которое сложилось вокруг Фечино. Конкретно названы восемьдесят человек¹⁰. Фечино разделяет этих людей на определённые группы, не скрывая этого. Первая группа — род героев (*genus heroicum*): «Козимо Великий, двойня Козимо — его сыновья Пьеро и Джованни и рожденная от Пьеро двойня — Лоренцо Великий и Джулиано, трое детей Лоренцо — Пьеро, кардинал Иоанн, Джулиано¹¹. Очевидно, что это были представители семейства Медичи. Каждого из этих людей он называет его покровителями (*patroni nostril*).

Остальных Фечино разбивает, что интересно, еще на две отдельные группы. Одна группа — это те, кого не назовёшь ни «слушателями» (*auditores*), ни учениками (*discipuli*), потому что это в определённом смысле «друзья-собеседники» (*familiares confabulatores*), с которыми мыслитель разговаривает и дискутирует по проблемам, которые связаны со «свободными науками». Гуманист называет двадцать три человека, учитывая хронологическую последовательность знакомства с каждым из них: «друга с ранних лет» поэта-гуманиста Нальдо Нальди, поэта-гуманиста Пеллегрини Альби, с которым Фечино общался в юности; знаменитых

⁹ *Hankins J.* The myth of the Platonic Academy of Florence. P. 442 — 445; *Idem.* The invention of the Platonic Academy of Florence. P. 15.

¹⁰ В монографии о Преннингере В. Целлер насчитывает в этом перечне 90 лиц (*Zeller W.* Der Jurist und Humanist Martin Prenninger gen. Uranius (1450— 1501). Tübingen, 1973. S. 72, 73), ошибочно усматривая в некоторых трех- или двухчастных именах указания на разных людей.

¹¹ *Magnus Cosmus, Gemini Cosmi, filii viri praestantes Petrus atque Ioannes, Gemini quoque Petri nati. Magnus Laurentius et inclytus Iulianus, tres Laurentii liberi, magnanimus Petrus, Ioannes Cardinalis, plurimum venerandus, Iulianus egregia indole praeditus» (Ficino M. Catalogus... P. 936. 2).*

гуманистов Кристофоро Ландино, Леона Баттиста Альберти, Бенедетто Аккольти; олигархов-патрициев Пьеро Пацци (у него Фичино в молодости был наставником), Бартоломео Валори и Антонио Каниджани; несколько позже Фичино привлек к себе представителя старинного флорентийского рода Джованни Кавальканти, который стал хорошим другом ему, каноника из Ареццо, а также секретаря папской курии Доменико Галлетти, юриста Антонио Кальдерино, монаха-доминиканца Иеронима Росси (или Росци) из Пистойи, торговых агентов дома Медичи, внесших огромный вклад в труды мыслителя-философа Америго Бенчи и его племянника Томмазо Бенчи, грамматика, поэта и музыканта Керубино Кварквальи, поэта и музыканта Антонио Серафико, друга юности, принявшего монашеский постриг, Микеле Меркати (и Серафико, и Меркати, уточняет Фичино, из Сан Миньято), священника и дипломата, происходившего из богатой флорентийской семьи, Франческо Бандини, профессора поэзии и риторики Пизанского университета Лоренцо Липпи, секретаря канцелярии Флорентийской синьории и профессора поэзии и риторики Флорентийского университета Бернардо Нуцци, преподавателя грамматики Коммандо Комманди, поэта и музыканта, епископа Гаэты Баччо Уголино и давнего своего товарища, ставшего священником Петра Фанни. В самом конце этого списка Фичино указывает, что «большинство из перечисленных в нем иногда слушали его первые лекции, кроме Ландино, Леона Баттиста Альберти и Бенедетто Аккольти». Далее он добавляет еще один перечень из 14 лиц, с которыми сошелся в зрелом возрасте, не относящихся к его «слушателям». Это епископ Фьезоле, а затем Вольтерры Антоний дельи Альи, священник и богослов Риккард из Ангиари, римский гуманист Бартоломео Платина, профессор естественной философии Пизанского университета Оливьеро Ардуини, двоюродный брат Фичино и его секретарь, священник и богослов Себастьяно Сальвини, философ, астроном, поэт и одновременно солдат удачи Лоренцо Бонинконтри, Бенедетто Билиотти, о коем не сохранилось никаких других сведений (возможно, брат или родственник Агостино Билиотти,

занимавшегося заморской торговлей, тесно связанного с Лоренцо Медичи), знатоки классической словесности Георгий Антон Веспуччи, Джован Баттиста Бонинсензи, Деметрий-византиец (Халкондил) и Джованни Витторио Содерини, прославленные гуманисты Анджело Полициано и Джованни Пико делла Мирандола, а также Пьер Леоне да Сполето, врач Лоренцо Медичи⁷¹.

В последнюю категорию гуманист включает имена 35 молодых людей, «которые слушали, когда мы читали и как бы учили, то есть были как бы учениками; однако не настоящими учениками, ибо — как поясняет тут же Фичино, — не настолько я возгордился, чтобы учить или обучать других, но скорее Сократовым способом я разубаиваю всех, увещаваю и постоянно склоняю близких мне людей к тому, чтобы они произвели на свет плоды своих дарований». В составе последней группы отпрыски богатейших и наиболее влиятельных семей Флоренции Никколо и Филиппо Валори, Аньоло и Филиппо Кардуччи, Джованни и Пьеро Гвиччардини, Пьеро дель Неро, Пьеро Содерини, Биндаччо Риказоли, Америго Корсини, Бернардо Каниджани, Джованни Каначчи, Франческо Ринуччини, Алессандро Альбицци, Бернардо Медичи, Пьеро Кампаньи, Антонио Ланфредини, Бернардо Веттори, личный секретарь Медичи (Лоренцо и Пьеро) Никколо Микелоцци и его брат, воспитатель Иоанна Медичи Бернардо Микелоцци, Матвей Рабатта и некий священник Себастиан, представители нового поколения гуманистов и людей науки Карло Марсуппини, Джованни Нези, Франческо Берлингьери, Пьеро ди Марко Паренти, Франческо Гадди, Аламанно Донати, а также Франческо Каттани Дьяччето, после смерти Фичино считавшийся продолжателем его *дела*, профессор философии и медицины Пизанского университета Джованни Розати, ученик Фичино и Пико крещеный еврей Фортуна Эбрео и еще четыре лица, о роде занятий и социальном положении коих ничего не известно, — Бьяджо да Биббие-на, Алессандро Борей (или Бонси), Андреа Корей и Франческо Пьетрасанта⁷².

Таким образом, состав Фичинова кружка весьма разнообразен, среди

его участников не только выдающиеся гуманисты Флоренции и Италии, философы, богословы, знатоки древних языков, историки, юристы, космографы, преподаватели школ, университетские профессора, врачи, поэты и музыканты, но также церковные иерархи, священники, монахи, флорентийская политическая и деловая элита, представители семей, которые вместе с Медичи сосредоточили в своих руках контроль за государственными институтами и огромные материальные богатства. И тем не менее далеко не все те, кто имел прямое отношение к ученому сообществу, известному теперь под именем Платоновской академии, указаны ее руководителем — Фичино — в составленном им списке из 80 человек. Не назван Якопо ди Поджо Браччолини, сын прославленного гуманиста, близко общавшийся с Фичино, в 1478 г. казненный за участие в антимеди-чейском заговоре Пацци, из-за чего, по-видимому, ему не нашлось места в передаваемом огласке перечне друзей «главы платоников»; не упомянут состоятельнейший Джованни Ручеллаи, хотя известно, что Фичино ему толковал о том, что такое фортуна и можно ли ей противостоять (сохранилось послание на эту тему 1462 г.⁷³), равно как и представитель следующего поколения этой семьи Бернардо Ручеллаи, который не стал финансировать издание Платона 1484 г. и поэтому, разумеется, не мог попасть в число лиц, причастных Фичинову делу; не значатся среди них, по непонятной причине, поэт-платоник Джироламо Бенивьени, одно время очень дружный с Фичино, и венецианский посол, известный гуманист Бернардо Бембо, участник беседований и пиров Платоновской академии второй половины 70-х годов XV в., а также Бернардо дель Неро и Антонио ди Туччо Манетти, хотя им Фичино посвятил основные свои переводы на итальянский язык и беседования на темы политики;

Что касается занятий, Фичино и его друзья, его беседы с друзьями на самые разные философские и богословские темы действительно должны были иметь место, но скорее они отражали то, над чем работал гуманист,

нежели определяли тематику и направление его трудов. Фичино, по крайней мере среди близких ему людей рано стяжавший славу выдающегося платоника (вспомним о нем отзыв анонима 1457 — 1458 гг.), стал уже в молодые годы выступать своего рода воплощением новых духовных веяний эпохи и поэтому центром притяжения захваченных ими культурных и общественных сил. Уже в 50-х — самом начале 60-х годов круг лиц, участвовавших в дискуссиях по поводу предметов, которыми занимался Фичино, был достаточно широк, в их числе не только гуманисты, прежде всего его сверстники Нальдо Нальди или Микеле Меркати, но и люди, занимавшие подчас очень высокое положение в общественно-политической, экономической и церковной иерархиях Флоренции. В 1496 г., под конец своей жизни, Фичино, вспоминая о многочисленных и давних связях с семьей Валори, одной из богатейших и влиятельнейших во Флоренции, сообщал, что «Бартоломео Валори, муж весьма образованный и, так сказать, любимец нашего города, вместе со своим тестем Пьеро Пацци, славнейшим рыцарем, часто присутствовал при наших толкованиях и обсуждениях Платона и со всем усердием в них принимал участие»¹² Отношения с Пьеро Пацци у Фичино установились с самой ранней юности (в 1451 г. начинающий гуманист был у Пацци домашним наставником) и продолжались вплоть до августа 1464 г., когда этот Пацци умер. Таким образом, занятия с названными здесь представителями верхушки флорентийского патрициата могли иметь место скорее всего во второй половине 50-х — начале 60-х годов. И, как справедливо замечает Р. Марсель, число их участников должно было быть значительно больше; французский историк называет Кристофоро Ландино, одобрявшего платоновские штудии Фичино, Пеллегрини дель Альби, Бенедетто Аккольти и представителей младшего поколения Медичи — Лоренцо и Джулиано⁸⁵.

Круг лиц, активно интересовавшихся в начале 60-х годов XV в.

¹² Баткин Л.М. Итальянские гуманисты. Стиль жизни и стиль мышления -М., 2014. - 224 с.

трусами Фичино, был действительно весьма широк, но важнее всего то, что к нему так или иначе принадлежали ведущие представители гуманизма и политического «истеблишмента» Флорентийской республики. Сейчас уже известно благодаря изысканиям С. Джентиле, что Фичиновы переводы псевдопифагорейских «Символов» и «Золотых стихов» привлекли внимание такого выдающегося гуманиста, как Леон Баттиста Альберти, который на их основе сочинил «Пифагорейские речения»⁸⁶. Вероятнее всего в 1462 г. могущественный Джованни Ручеллаи, владеец одного из крупнейших состояний города, обратился к Фичино, начинающему, но уже весьма авторитетному философу с вопросом о том, что такое фортуна и можно ли ей противостоять; полученный ответ Ручеллаи подшил к своим записным книжкам (*Zibaldone*).¹³

Эта интеллектуальная мода на молодого и успешно работающего адепта платонизма, «спрос» на его труды, который выказывали не только люди науки, но и наиболее известные и уважаемые фамилии Флоренции — Пацци, Валори, Ручеллаи, — не могли пройти мимо внимания Козимо Медичи, знающего цену культуре и умеющего поставить ее себе на службу. Не случайно не позже сентября 1462 г. он берет Фичино под прямое покровительство, сделав фактически своим домашним философом.

Козимо был большой любитель философских диспутов. Как сообщает Веспасиано да Бистиччи, грек Иоанн Аргиропул в дни, когда он не читал лекции в университете, вместе с не сколькими своими учениками навещал Козимо, который постоянно его расспрашивал о различных вещах: о бессмертии души или о каких-то иных предметах богословия или философии; из другого источника известно, что, прийдя выразить Козимо соболезнование по поводу смерти его сына Джованни (1463 г.)⁸⁹, Аргиропул вместе с Аламанно Ринуччини и другими гостями был втянут хозяином в дискуссию о том, кто важнее в государстве (*in civili societate*), командующий

¹³ Гуманистическая мысль итальянского Возрождения: Переводы с латинского и итальянского языков XVI века / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 2004.

войсками или глава гражданской власти⁹⁰. Фичино не имел, по крайней мере при жизни Козимо, учеников, и беседы гуманиста с ним носили более *приватный* характер: скорее всего это были *чтения* с комментариями или же *пересказы* тех античных источников, над которыми работал гуманист. Именно на такого рода чтение Платонова «Филеба» рассчитывал Козимо, призывая к себе 11 января 1464 г. своего юного подопечного Марсилия с только что выполненным латинским переводом этого произведения, дабы удовлетворить свое непреодолимое желание знать, «какой путь надежнее всего ведет к счастью»; и Фичино в ответ обещал ему прибыть «как можно скорее»¹⁴

То, как проходили философские беседы с Козимо, позволяет представить предисловие к Псевдо-Платонову диалогу «Аксиох» (или «О смерти»), в котором Фичино дал почти протокольную запись одной из них, состоявшейся незадолго до смерти покровителя: «За двадцать дней до того, как чистая душа его порвала связь с телом, в час, когда солнце заходило, Козимо начал оплакивать ничтожество этой жизни, ополчась на людские заблуждения, так что смерть, по его словам, оказывалась своего рода преимуществом (*lucrum*), и поэтому он очень много, остро и пространно рассуждал о презрении к этой жизни как человек, уже алкающий небесного блаженства. Когда он кончил, я ему сказал: «Козимо, о том же самом в своей книге «О смерти» вел речь Ксенократ, святой человек и любимый ученик нашего Платона». Тогда он мне: «Передай по-латыни, Марсилию, о чем толковал Ксенократ по-гречески». Я передал. Он одобрил и повелел перевести». Описанная беседа имела место 11 июля; 20 июля, как явствует из этого же документа, Фичино закончил читать ему платоновские диалоги «Парменид» («о едином начале всех вещей») и «Филеб» («о высшем благе»); 1 августа 1464 г. Козимо Медичи скончался.

Возможно, приватные собеседования и чтения продолжались с сыном и

¹⁴ Хлодовский Р. И. Платоновская академия во Флоренции // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1983—1994. — На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 3. — 1985. — С. 100—102.

преемником Козимо Старого в качестве правителя Флоренции Пьеро Медичи (1464—1469). Кореи утверждает, что «Марсилию, часто посещая его [Пьеро. — *О.К.*], излагал ему философское учение Платона»; беседы Фичино с патроном на эти темы не исключает и Р. Марсель; впрочем, никаких других свидетельств, которые подтверждали бы слова Кореи, нет.¹⁵

Представляется, что, наряду с этими беседами в узком составе со своими главными покровителями, Фичино продолжал общение и с другими своими товарищами, интересовавшимися его трудами. Из письма гуманиста известно, что в августе 1464 г. он адресовал перевод платоновского диалога «Законы» Оттоне Никколини, Бенедетто Аретино (Аккольти), Бернардо Джюньи и Пьеро Пацци. В марте 1468 г., направляя собственное итальянское переложение трактата Данте «Монархия» Бернардо дель Неро и Антонио ди Туччо Манетти, Фичино вспоминал их «старинную дружбу» и «частые беседы», посвященные обсуждению затронутых в этом произведении предметов⁹⁸. Нет сомнения, что упомянутые диспуты были теснейшим образом связаны с занятиями Платоном, поскольку и Данте преподносился Фичи- но прежде всего как мыслитель платоновского толка.

По-видимому, новые переводы Платона, которые Фичино выпускал в 60-е годы, сопровождались их чтениями и обсуждениями с близкими людьми, круг которых — т.е. лиц, становившихся причастными «платоновской мудрости» и в качестве таковых могущих быть причисленными к Платоновской академии — постоянно расширялся. Одновременно рос и авторитет гуманиста, в нем видели наиболее аутентичного излагателя мыслей Платона. Именно таким он представлен в «Камальдоленских беседах», трактате Ландино, завершённом до 1474 г. Словами автора, сообщающими о визите Альберти в Фильине к Марсилию Фичино, этот последний назван «бесспорно первенствующим среди платоников нашего времени»; в уста самого Альберти вложена

¹⁵Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография, -СПб., 1914. Т.1. -270с.

характеристика Фичино как «наивернейшего толкователя загадок, заданных оракулом Академии»; наконец, Лоренцо Медичи в этом же произведении признается, что рассуждения Платона ему понятнее в изложении Фичино, который «лучше других владеет учением столь великого философа»¹⁶.

Участниками переданных Ландино бесед были представители двух направлений во флорентийском гуманизме — платоновского, к которому, кроме Фичино, можно отнести его давнего друга Антонио Каниджани, Альберти, Лоренцо и Джулиано Медичи, самого Ландино, и аристотелевского, к коему принадлежали Аламанно Ринуччини, кузены Пьеро и Донато Аччайуоли и Марко Паренти, входившие в возглавляемый Аргиропулом кружок, известный с 50-х годов под именем Собрания Флорентийской академии (*Chorus Acahemiae Florentinae*). Именно перед такой разнородной и взыскательной аудиторией выступил Фичино в свой черед, излагая положения собственного комментария к «Филебу». Конечно, все эти собеседования, представленные в «Камальдоленских беседах», — литературная фикция, которая, однако, по справедливой оговорке А. Делла Торре, вполне соответствует реальной действительности. Они могут служить иллюстрацией того, как Фичино в качестве пропагандиста Платонова наследия и традиции «древнейшего богословия» становится объектом пристального интереса со стороны всех ведущих гуманистов Флоренции.¹⁷

¹⁶ Нестеров А.К. Гуманизм Эпохи Возрождения [Электронный ресурс] // Образовательная энциклопедия - Режим доступа: <http://gumanizm-epohi-vozhzhdeniya.html> - (Дата обращения: 21.11.2017).

¹⁷ Кудрявцев О.Ф. Идеал ученого сообщества в итальянских академиях XV- XVII веков и утопии // ИСУ. М.,1984. С.220 - 240.

ГЛАВА 2 ИДЕЙНЫЕ ИСКАНИЯ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ПЛАТОНОВСКОЙ АКАДЕМИИ. АСПЕКТЫ НРАВСТВЕННОГО УЧЕНИЯ АКАДЕМИИ

2.2. Идеиные искания Флорентийской Платоновской академии

Идеи флорентийской Платоновской академии именно потому стали одними из наиболее заметных явлений ренессансной идеологии, что содержало в себе развернутое и разностороннее теоретическое осмысление проблемы человека, центральной для мирозерцания и культуры той эпохи. Никакой мыслитель или писатель ни до, ни после Фичино не уделял этой проблеме столько внимания, а главное — не дал ей такого прочного философского обоснования, как глава флорентийских платоников. Конечно, во многих отношениях Фичино итожил то, что было сделано для разработки антропологии его ближайшими предшественниками от Франческо Петрарки до Николая Кузанского и Джаноццо Манетти, но это не умаляет оригинальности и самостоятельности его концепции, как ее не обесценило дальнейшее продолжение антропологической тематики в трудах гуманистов XVI в., в значительной мере лишь развивавших идеи, уже сформулированные или хотя бы намеченные Фичино и Джованни Пико делла Мирандола, его товарищем и — очень часто — оппонентом.¹⁸

До сих пор в историографии не обращали внимания на то обстоятельство, что Фичино не имел в виду разработать учение о человеке

¹⁸ Эненкель К. Происхождение ренессансного идеала «*hominis uniuersale*»: «Автобиография» Леона Баттиста Альберти // Человек в культуре Возрождения. М., 2001. С. 79 — 86.

как таковое, оно складывается в его трудах как производное исследований в области психологии. Доказывая бессмертие индивидуальной человеческой души — чему он посвятил главный свой труд «Платоновское богословие», — Фичино привлекал разные аргументы, чтобы продемонстрировать ее величие и могущество, особое положение и предназначение в мироздании, побуждающие с неизбежностью заключить о ее неразрушимости и неуничтожимости. Прежде всего он настаивал на том, что она занимает ключевое, центральное место во вселенском порядке вещей: «Мы все сходимся в том, что разумная душа, писал он в 1474 г. к Якопо Браччолини, сыну Поджо, — помещается на горизонте, т.е. на рубеже времени и вечности, обладая природой промежуточной между временной и вечной; и в качестве промежуточной она наделена разумными силами и способностями, устремляющими [ее] к вечным сущностям, а также силами и способностями, обращающими ее к временным сущностям. И поскольку из различных природ рождаются различные склонности, постольку — так как мы видим, что душа склоняется то к вечному, то к временному — мы убеждаемся, что она создана из той и другой природы».

В этом письме — как можно видеть и во многих других, посвященных тем или иным философско-богословским вопросам его посланиях друзьям и покровителям, — Фичино дал краткое резюме (напоминающее те аннотации, коими новеллисты предваряли свои «повестушки») положений, развернутых им в полной мере в главном его труде, в котором в совершенном согласии с традицией платонизирующей философии, ближе всего напоминая рассуждения Николая Кузанского, писал о пограничной душе человека между разными, даже противоположными, природами, ее роли связующего звена мироздания, своего рода микрокосма, заключающего в себе все сущности

«Мы собираем все [сущее] на пяти ступенях, располагая Бога и Ангела в верхней части природы, Тело и Качество — в нижней, Душу же в срединной между наиболее высокой и наиболее низкой; справедливо мы ее

называем третьей, или, на манер платоников, срединной сущностью, поскольку по отношению ко всем [другим] она в середине и с любой стороны третья. Опускаясь от Бога вниз, ее обнаружишь на третьей ступени спуска; а равно, восходя вверх от Тела, — на третьей ступени восхождения. По нашему мнению, сущность подобного рода в высшей степени необходима в природе»¹⁹. В цитированном отрывке Фичино создает подчеркнуто *антропоцентрическую* картину мироздания, демонстрируя, что срединное положение человеческой души объективно предопределено установленным порядком вещей, или сущностей иерархии бытия. С этой целью принятой Плотинем шестичастной модели иерархии, коей в некоторых случаях Фичино оставался верен, он предпочитает пятичастную, чтобы, отведя разумной душе третью позицию, акцентировать ее центральное место. Все сущности, расположенные выше и ниже Души, только вечные и только подвластные времени, противоположны друг другу и «при отсутствии связующего звена бегут друг друга»; расположенная в промежутке между ними Душа, являющаяся «третьей сущностью», выступает в роли «некоей связи (*vinculum*) того и другого»; именно поэтому она, подчеркивает Фичино не раз, «в высшей степени необходима». «Помещенная между ними сия третья сущность будет в состоянии удерживать более высокие сущности, не покидая более низкие, и, таким образом, свяжет в себе одни с другими. Ибо она [одновременно] неизменна и изменчива: тем она сходствует с более высокими, этим — с более низкими сущностями. Поскольку она сходствует с теми и с другими, она устремляется и к тем, и к другим. Отчего неким природным побуждением она возносится к более высоким и опускается к более низким сущностям. А возносясь, она не покидает низких, опускаясь же, — не оставляет высших. Ибо, покинув те или другие, она стала бы клониться к одной из крайностей и более уже не являлась бы действительной связью мира».

¹⁹ Черняк И.Х. Философия религии Марсилио Фичино // Атеизм. Религия. Современность. Л., 1976. С. 50 — 64.

Есть еще один важный аспект, вытекающий из причастности души разным природам и сущностям, — ее универсальность; сочетая все уровни и типы бытия, она их в себе заключает. Это открывает перед ней безграничные возможности как в познании мира, так и в формах ее наличного бытия. «[Слова] "Познай самого себя", как видно, увещевают нас познавать душу, которая, будучи средоточием вещей, — писал Фичино в предисловии к трактату «О душе» Феофраста, адресованном Филиппо Валори, по своему обычаю используя собственные философские выкладки для нравственных наставлений, — несомненно является всем, поэтому, познав ее, мы легко сможем познать все».²⁰

2.2. Аспекты нравственного учения Платоновской академии во Флоренции.

Основными Аспектами нравственного учения Платоновской академии во Флоренции были следующие: время, фортуна, великолепие, человечность.

Для Фичино время представляет интерес прежде всего как такое условие земной жизни, отношение к которому определяет и обнаруживает нравственный облик человеческого субъекта. Онтологически время, по Фичино, не обладает абсолютной реальностью, оно переходит и растворяется в вечности. Другое дело если рассматривать его в аспекте человеческого существования, в качестве своего рода собственности, от распоряжения которой зависит все то, чего люди могут достичь в жизни, — и качества их собственной персоны, и обстоятельства их наличного бытия. Фичино очень похож на Альберти, так же как и он, проповедуя бережное, рачительное обращение со временем и с тревогой переживая его постоянное, ничем не остановимое движение. Это ощутимо в призывах дорожить текущим мгновением, ценить настоящее и ничего не откладывать на завтра, с

²⁰ Резванова Э.Д. Гуманизм как единство инновации и традиции: социально-философский аспект: В контексте итальянского Возрождения дис. ... канд. философск. наук 09.00.11. — М., 2002. — 126 с.

которыми гуманист адресовался к близким ему людям. «"Нет, никогда, мне поверь, — увещевал Фичино осенью 1474 г. своего патрона Лоренцо Медичи цитатой из Марциала, — не скажет мудрец: 'Поживу я', — / Жизнью завтрашней жить — поздно. Сегодня живи!"... Да сгинет сегодня это завтра, да сгинет как можно быстрее, дабы ты не погиб; нет ничего лживее этого завтра, обманывавшего всех, кого рождала земля... Мы едва обладаем настоящим, ведь мы так непрочно его имеем, что не могли бы его задержать даже на короткий миг. Однако будущее — ничто, — повторяет гуманист снова и снова, — посему никто не владеет им... Будь счастлив сегодня; если ты рассчитываешь на счастье завтра, ты никогда не будешь счастлив"». Эта же мысль — «радуйся настоящему» — закреплена в изречениях, начертанных «на стенах Академии», став таким образом одной из фундаментальных этических норм возглавляемого Фичино платонического сообщества.

Исходя из убеждения о величайшей ценности времени, Фичино то и дело в своих посланиях обращался к близким ему людям с призывами дорожить временем и не терять его, в особенности когда заходила речь об овладении науками: «Но желаешь ли ты благоденствовать? [Тогда] учись хорошо и учись, прошу тебя, сегодня; кто учится завтра, не учится никогда», — наставлял он в ноябре 1473 г. Антонио Пацци, своего подопечного из могущественной флорентийской семьи. В письме к Джованни Кавальканти, одному из своих ближайших друзей, Фичино оправдывал настоятельную просьбу вернуть ему книги нежеланием терять время, по-видимому, для работы, ибо, по его словам, нет потери большей, чем эта. Подобную же мысль он обыгрывал в письме Пьеро Ванни, Керубино Кварквальи и Доменико Галетти, рассуждая о глупости и убогости людской: «Кто задумывается о том, сколь вредна потеря времени? Расходуя деньги, мы очень скупы, расходуя время, — расточительны сверх меры».

Более подробно о недопустимости проводить время без дела писал Фичино в уже цитированном послании к своему еще юному покровителю: «В

моей болезни, Лоренцо, ничто меня не угнетало так сильно, как память о бесполезно потраченном времени; напротив, ничто не могло меня как-то утешить, кроме воспоминания о том, чему я обучился, пусть выучил я немного... Поэтому я умоляю тебя, мой дражайший патрон, ради вечного Бога тратить благоразумно и расчетливо наидрагоценнейшее время, сколь немного его не было бы, дабы у тебя никогда не нашлось повода раскаиваться в напрасной расточительности и безвозвратной потере. Восьмидесятилетнего Феофраста потеря времени часто приводила к слезам⁸; и она же заставляла великого Козимо, когда ему было за семьдесят, часто тяжело вздыхать в моем присутствии... То, о чем я прошу, Лоренцо, просто, ибо нетрудно проводить один час надлежащим образом и с пользой; употреби, молю тебя, ежедневно один час как следует, то есть для насыщения ума свободными науками, и пусть сие малое время живет счастливо для тебя»⁹.

Примером того, сколь нужно дорожить временем, Фичино представлял Козимо Медичи, деда Лоренцо. «Козимо был столь же скуп и бережлив со временем, сколь Мидас с деньгами, — сказано в следующем послании к Лоренцо (осень 1474 г.), — и хотя он очень экономно расходовал дни, тщательно рассчитывая каждый час, сей человек, знающий цену мгновению, часто оплакивал впустую растроченное время»¹⁰. Мы не знаем, в какой мере образ Козимо, нарисованный Фичино, соответствовал действительности; важно, что таким его видел или хотел видеть гуманист, изображая как безукоризненный образец распорядительного хозяина времени, заботящегося о полезном употреблении каждого его мига. И этим образцом он призывал руководствоваться Лоренцо.

К увещаниям своего наставника молодой властитель Флоренции оказался восприимчив. Во всяком случае таким он изображал себя. «Я был весьма обрадован твоим посланием, — писал (октябрь 1474 г.) он в ответ на новое обращение к нему Фичино, льстя ему и в то же время умея найти себе оправдание, — в котором ты обличал нас в бессмысленной потере времени

таким образом, что совсем бесполезным оказывается сие наше безделье. Ибо обычная небольшая потеря времени спровоцировала тебя выступить с наставлениями, кои могли бы быть полезны не только нам, но и всем, страждущим от той же болезни»¹¹. В конце письма еще раз одобрительно отзываясь о поучениях своего нравственного руководителя, Лоренцо воспроизводит излюбленную мысль того о времени, не знаящем никакого завтра.

Ручеллаи дает предлинную подборку рассуждений о фортуне, происхождение которых, впрочем, не всегда можно точно установить, много цитируя Аристотеля, Саллюстия, Сенеку, Боэция, Эпиктета, Цицерона, Бернарда Клервосского, Данте, Петрарку, Чекко д'Асколи и некоторых других, а из своих современников — известного тогда юриста Джованни Мартини да Сан Джиминиано и, как видно становящегося все более популярным философа-платоника Марсилия Фичино. По мнению Ручеллаи, «большинство сходится в том, что фортуна есть лишь пустое имя» и что предусмотрительность, здравомыслие и благоразумие способны противодействовать случайностям фортуны (*casu fortuiti*), «так что они не смогут совсем или смогут мало повредить мудрому человеку, который в большинстве случаев сумеет защититься от них». Однако если фортуна всего лишь «пустое имя», «ничто», то почему ей у Ручеллаи уделяется так много внимания, более того — приписывается власть над «богатствами и благами мира»? Потому что для него, носителя мироощущения ренессансной поры, фортуна в своей многоликостTM и непостоянстве становится неким собирательным образом текучести и изменчивости внешнего мира, чуждого, неподвластного человеку и в силу этого опасного для него наличного бытия²¹. В хронологических записях, относящихся к 1456 г., «необычной и удивительной фортуной» (*maravigliosa e mirabile fortuna*) он называет конкретно чудовищной силы ураган, ставший причиной больших разрушений и многочисленных смертей людей и животных в нескольких местечках Тосканы; декабрем того же года помечено письмо его брата Паоло

Ручеллаи с описанием «страшной фортуны» (*terribile fortuna*) — землетрясения, жертвой которого стали Неаполь и его округа.

Имя Фичино появляется у Ручеллаи в почетном ряду широко известных древних и средневековых философов, богословов и поэтов; но в отличие от них его мнение представлено достаточно пространственным посланием, которое было подготовлено между 1460 и 1462 г. и специально посвящено состоятельному патрицию и, возможно, покровителю гуманиста, целиком включившему его в свои «Записные книжки». На вопрос Ручеллаи, можно ли каким-либо образом предотвратить случайности фортуны или противостоять им, Фичино поначалу в полном согласии с тем, как наставлял детей его адресат, писал, что «ударам фортуны не могут противостоять ни человек, ни человеческая природа, но человек благоразумный и человеческое благоразумие». Однако далее гуманист уточнял, что «человеческое благоразумие есть дар не просто природы, но гораздо больше — начала, источника и первопричины природы», иными словами Небес; поэтому, продолжал Фичино свое рассуждение, «благоразумный человек обладает силой для противодействия фортуне, но с той оговоркой, которую сделал мудрец: "Ты не имел бы этой силы, не будь она дана свыше"»; сама фортуна, оказывается, в конечном счете, творит волю Божью, ибо хотя она «есть ход событий, совершающийся вне порядка вещей, который нам обычно известен и желателен, тем не менее согласно порядку, о котором знает и который желает Тот, Кто знает и желает более, чем позволяет нам наша природа». За этим рассуждением следует нравственное заключение (*morale sententia*), мало согласующееся с установкой Ручеллаи на сопротивление фортуне: «Хорошо сражаться с фортуной оружием благоразумия, терпения и великодушия; лучше уклониться и бежать такой войны, в которой побеждают лишь немногие, да и те с невероятным трудом и обильным потом; лучше всего заключить с ней мир или перемирие, сообразовывая нашу волю с ее волей, и добровольно идти туда, куда она укажет, дабы она не повела нас туда силой»²⁴.

Как видим, владычеству фортуны оставлен земной, телесный мир; речь уже идет не о подчинении ей как проводнице божественной воли, а о том, чтобы найти способ избежать ее власти, не искушаться ее дарами и не искать в них свое счастье, понимая, что фортуна как сила иррациональная, безрассудная не может не быть враждебной мудрости и добродетели. «Где мудрость в избытке, там мало нужды в случае [т.е. фортуне. — *О.К.*], где весьма мало мудрости, там большей частью господствует случай... Случай неблаговолит к добропорядочным мужам, всеми силами препятствуя тому, чтобы добропорядочный разум где бы то ни было правил... Случай часто одаряет многим тех, коих мало одарила природа или добродетель, — такие рассуждения находим в послании Фичино Бернардо Бембо (1476 — начало 1477 г.), из них выводятся следующие моральные наставления. — Божественный муж не пожелает себе в вожди фортуны, ибо она слепа и часто подвержена превратностям. Не радуется он обещаниям фортуны, ибо ненадежна она даже для своих, коих не по заслугам возносит до высших почестей... Не боится он также угроз фортуны, ибо безосновательны они... Нет человека несчастнее, чем тот, кто истинное счастье полагает в фортуне. Нет человека счастливее, чем тот, кто не считает, что благополучие, дарованное фортуной, является действительным счастьем... "Что б ни случилось, судьбу побеждают любую терпеньем"». Поэтому от фортуны ничего не стоит ждать — ни хорошего, ни плохого, и во всяком случае она не властна над человеком мудрым и добропорядочным, ибо он, полагаясь на разум и добродетель, живет далеко от той сферы, где господствует она.

В этой концепции мудреца, претендующего на автономию по отношению ко внешнему миру, олицетворенному непостоянной, переменчивой и, в конечном итоге, враждебной человеку фортуной, можно увидеть черты нравственного идеала, характерного не только для флорентийской Платоновской академии, но и для всего ренессансного гуманизма.

Среди моральных добродетелей была одна, которую Фичино выделял и

особенно превозносил: великолепие (*magnificen- tia*). В молодые годы ей он посвятил небольшое сочинение, адресованное Антонио Каниджани³² (датировано 1 июня 1457 г.); самим гуманистом не включенное в собрание его эпистол, оно было опубликовано лишь в XX в. П.О. Кристеллером. Перебирая все моральные добродетели, «самой важной» Фимино называет великолепие, проявляющееся «в широчайших общественных расходах» (*circa publicos sumptus amplissimosque*), ибо, радея «не только о частном, но и — намного больше — об общественном благополучии», оно лучше других «сохраняет общность человеческого рода»; из всех добродетелей лишь его считает гуманист «соответствующим божественной природе» и уподобляющим людей Богу; именно оно, по его словам, доставляет высшие почести, а также бессмертие имени и славу. Речь идет, конечно, о земном бессмертии в веках, в памяти сменяющих друг друга поколений, а вот высшие почести подразумевают в качестве результата и награды за эту добродетель особое положение уже в настоящем. Итак, человек, обнаруживающий великолепие, должен выделяться, первенствовать в обществе — ему полагаются «высшие почести».

В Фичиновой эпистоле Антонио Каниджани отчетливо заявили о себе новые нравственные ориентиры, складывающиеся в условиях укрепления во Флоренции власти Медичи: вразрез с традицией гражданского гуманизма, представители которого еще во времена Фичино продолжали в публичных речах превозносить справедливость (*лат.* — *iustitia*; *итал.* — *giustizia*) как базисную добродетель, особенно необходимую для любого человеческого общежития, этот гуманист в персональном послании, построенном тем не менее в строгом соответствии с правилами ораторского искусства³⁸, выдвигал на первый план добродетель великолепия, предполагавшую большие траты на общественные нужды и благодаря этому социально значимую роль ее носителя. Как представитель нового поколения гуманистов, связанного с Медичи или на них ориентированного, молодой Фичино (ему было полных 23 года), поднимая на щит добродетель великолепия,

точно уловил и обозначил ею тот тип социального поведения, который помог Козимо Медичи, остававшемуся всю жизнь частным лицом, стать фактическим главой Флоренции и посмертно удостоиться от сограждан почетного звания «Отец отечества» (Pater Patriae). Обязательной чертой

Фичино в послании Антонио Каниджани в качестве предпочтительного нравственного принципа описывал такой способ достижения социального превосходства, который с успехом применялся ранними Медичи. Вполне вероятно, что отмеченный принцип обсуждался или хотя бы затрагивался гуманистом и позже, в 60-е годы, в беседах с покровительствовавшими ему Козимо и Пьеро в присутствии юного Лоренцо, ставшего уже в глазах современников и потомков, как и Козимо, олицетворением самого этого принципа, за что он и был прозван Великолепным. Во всяком случае, не подлежит сомнению как соответствие нового нравственного идеала, провозглашенного Фичино, образу действий современных ему Медичи, прежде всего в сфере культуры, так и влияние, оказываемое этим гуманистом на духовную жизнь Флоренции в 60 —90-е годы XV в.

Почти в одно время с Фичино в таком же духе и тоне, что и он, эту добродетель упоминал известный флорентийский гуманист Бенедетто Аккольти, называя граждан Венеции и Флоренции «великолепными в общественных делах и бережливыми и скромными — в частных», «ведь они хотели, чтобы священные обряды и поклонение Господу Богу и Его святым совершались с великой тщательностью, благочестием и великолепием — большими, чем где-либо».²¹

Фичино присоединился к этому хору славивших в Козимо великолепие, имея в виду, правда, «многие милости», оказанные ему его покровителем: «...я был приведен в изумление, — писал он Козимо в сентябре 1462 г., — не

²¹ Гивишвили Г.В. Феномен гуманизма : Практический гуманизм в истории и политике, экономике и праве. М., 2017 – С 225.

только твоим великолепием (*magnificentiam tuam*), по отношению к нам весьма значительным, но также пророчеством древнего Орфея...», — и далее он уточнял, что получил от патрона «тома Платона» превеликой ценности и «Академию» (или домик) «в селении Кареджи». Сходным образом Фичино реагировал на другой подарок греческих рукописей, сделанный ему тогда же Аме-риго Бенчи — человеком, близким к Медичи: «Сегодня я получил от тебя греческие диалоги нашего Платона, великолепный дар, достойный твоей души и для моей — наиприятнейший... В этом, как и во многих других делах, полагаю, ты хотел походить на великого Козимо, ибо ранее он украсил мою библиотеку Платоном на греческом языке»⁴⁴. А в следующем, 1463 г., Томмазо Бенчи, племянник Америго и участник Фичинова кружка, в предисловии к выполненному им переводу на итальянский язык «герметического свода» прямо писал о «наивеликолепнейшем Козимо Медичи»²².

Человечность. Хотя в осмысление проблемы человека, наиважнейшей для всей ренессансной культуры, Фичино внес вклад много больший, чем другие теоретики эпохи, человечности или человеколюбия (*humanitas*), моральному аспекту этой проблемы, гуманист уделял скромное внимание. Он вспоминал об этой добродетели, умоляя в письме Джованни Кавальканти вернуть книги, а в письме Лоренцо Медичи характеризуя ее вместе с великолепием своего патрона. Специально остановился он на ней в небольшом послании Томмазо Минербетти, названному «человеколюбивым мужем» (датировать документ следует весной 1474 г.). Трактую жестокость и бесчеловечность как проявление неполноты человеческой природы в силу разных причин — из-за несовершеннолетия, ущерба души, болезни тела, неблагоприятного положения светил — во всех тех, кто одержим этими пороками, гуманист находил ненависть и презрение к роду людскому как чему-то, им чуждому и постороннему. «Ибо люди в отдельности, созданные

²² Флорентийская Платоновская академия : очерк истории духовной жизни ренессансной Италии / О.Ф. Кудрявцев ; [отв. ред. Л.М. Брагина] ; Ин-т всеобщ. истории РАН ; МГИМО(У) МИД РФ. — М.: Наука, 2008. - 479 с.

одной идеей и относящиеся к одному виду, суть один человек; по этой причине, — заключал свою мысль Фичино, — полагаю, из всех добродетелей мудрецы только ту называли именем самого человека, то есть человечностью, которая любит и печется обо всех людях, словно о братьях, рожденных долгой чередой поколений от одного отца. Итак, человечнейший муж, — теперь уже Фичино наставлял своего адресата, — упорствуй в служении человечности, для Бога нет ничего милее любви».²³

Помимо любви к человеку термином «humanitas» обозначалась, по примеру Цицерона и Авла Геллия, также культура, или образованность, в частности круг дисциплин, призванных воспитать человека в человеке. Постольку поскольку естественным состоянием человека гуманисты считали не первозданную дикость, а культуру и образованность, то в человеколюбии, которое должно быть присуще людям по их природе, они видели свойство, выработанное приобщением к наукам человечности (*studia humanitatis*). Эти две стороны человечности (*humanitas*) — ее понимание как добродетели и как культуры и образованности, — тесно связанные между собой в гуманистической ее трактовке, можно найти в приписке к цитированному выше письму Фичино, содержащейся в некоторых ее рукописях: «Сохраняй также дружбу к нашему Карло Валгули [из Брешии], мужу выдающейся человечности, преуспевшему в науках о человеке, как греческих, так и латинских».²⁴

И уже не как отдельную, самостоятельную добродетель, а как собрание всех совершенных качеств души, образующее высокую нравственную культуру и эстетическую утонченность, представлял Фичино человечность, олицетворяемую античной богиней Венерой, в послании юному Лоренцо ди Пьер-франческо Медичи (датируемом 1477—1478 гг.), троюродному брату Лоренцо Великолепного: «Она [человечность. — *О.К.*] служит нам

²³ Флорентийская Платоновская академия : очерк истории духовной жизни ренессансной Италии / О.Ф. Кудрявцев ; [отв. ред. Л.М. Брагина] ; Ин-т всеобщ. истории РАН ; МГИМО(У) МИД РФ. — М.: Наука, 2008. - 479 с.

²⁴ Фичино М. О моральных добродетелях. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996. С.437-441.

увещеванием и напоминанием о том, что мы не можем обладать чем-то значительным на земле, не овладев самими людьми, ради коих сотворено все земное. Люди же не могут быть уловлены ни на какую другую приманку, кроме человечности. Поэтому остерегайся пренебрегать ею, думая, что она земного происхождения. Ибо сама человечность — это нимфа, замечательного сложения, рожденная в небесных высях эфира, более всего возлюбленная всевышним Богом. Ее душа и ум — это любовь и милосердие, ее глаза — достоинство и великодушие, руки — щедрость и великолепие, ноги — учтивость и воздержанность. Словом, она в целом — умеренность, добродетельность, очарование и величие. О, какая утонченная красота! Как любо ее созерцать».²⁵ Восхищение и эстетические восторги гуманиста вызывает человечность, трактованная весьма широко, как разносторонне оформленная и отточенная нравственная природа, которая только и может создать основу подлинно человеческого бытия.²⁶

²⁵ Пузино И.В. О религиозно-философских воззрениях Марсилио Фичино // Исторические известия. 1917, N 2. С. 91 — 111

²⁶ Флорентийская Платоновская академия : очерк истории духовной жизни ренессансной Италии / О.Ф. Кудрявцев ; [отв. ред. Л.М. Брагина] ; Ин-т всеобщ. истории РАН ; МГИМО(У) МИД РФ. — М.: Наука, 2008. - 479 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в ходе нашего исследования было выяснено, что центром развития гуманистических ценностей была, безусловно, Флоренция, которую принято называть «столицей итальянского Ренессанса». С точки зрения развития итальянской науки и образования Ренессанс, заменивший культуру Средневековья, был ознаменован двумя взаимосвязанными и параллельно протекающими процессами: падением популярности и упадком университетов, с одной стороны, и возрождением интереса к академиям, с другой стороны. Представляется, что именно с создания итальянских академий в XV-XVI веках начинается формирование современной модели самоорганизации научного сообщества. Объединением итальянских литераторов и философов гуманистического направления, в рамках которого развивался флорентийский неоплатонизм, была именно Платоновская академия во Флоренции.

Состав Фичинова кружка весьма разнообразен, среди его участников не только выдающиеся гуманисты Флоренции и Италии, философы, богословы, знатоки древних языков, историки, юристы, космографы, преподаватели школ, университетские профессора, врачи, поэты и музыканты, но также церковные иерархи, священники, монахи, флорентийская политическая и деловая элита, представители семей, которые вместе с Медичи сосредоточили в своих руках контроль за государственными институтами и огромные материальные богатства. И тем не менее далеко не все те, кто имел прямое отношение к ученому сообществу, известному теперь под именем Платоновской академии, указаны ее руководителем — Фичино — в составленном им списке из 80 человек.

Идеи флорентийской Платоновской академии именно потому стали

одними из наиболее заметных явлений ренес-сансной идеологии, что содержало в себе развернутое и разно-стороннее теоретическое осмысление проблемы человека, центральной для мирозерцания и культуры той эпохи. Никакой мыслитель или писатель ни до, ни после Фичино не уделял этой проблеме столько внимания, а главное — не дал ей такого прочного философского обоснования, как глава флорентийских платоников. Конечно, во многих отношениях Фичино итожил то, что было сделано для разработки антропологии его ближайшими предшественниками от Франческо Петрарки до Николая Кузанского и Джаноццо Манетти, но это не умаляет оригинальности и самостоятельности его концепции, как ее не обесценило дальнейшее продолжение антропологической тематики в трудах гуманистов XVI в., в значительной мере лишь развивавших идеи, уже сформулированные или хотя бы намеченные Фичино и Джованни Пико делла Мирандола, его товарищем и — очень часто — оппонентом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамсон М.Л. От Данте к Альберти. М.: Наука, 1979. — 186 с.
2. Баткин Л.М. Итальянские гуманисты. Стиль жизни и стиль мышления - М., 2014. - 224 с.
3. Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.
4. Гиберти Л. Комментарий // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. II. С. 341-353.
5. Гивишвили Г.В. Феномен гуманизма : Практический гуманизм в истории и политике, экономике и праве. М., 2017 – 225 с.
6. Гуманистическая мысль итальянского Возрождения: Переводы с латинского и итальянского языков XVI века / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 2004.
7. Гуревич П.С. Гуманизм как проблема и как ересь // Свободная мысль. - 1995. -№5.-С.55-65.
8. Данилова И.Е. Альберти и Флоренция. М., 1997.
9. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Саратов, 1984-1988. Ч. 1 -2.
10. Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография,- СПб.,1914.Т.1.-270с.
11. Кудрявцев О.Ф. Идея «общности» у Марсилио Фичино // ИСУ. М., 1982. С. 226-235.
12. Кудрявцев О.Ф. Идеал ученого сообщества в итальянских академиях XV-XVII веков и утопии // ИСУ. М.,1984. С.220 - 240.
13. Лосев А. Ф. Глава 2. Платоновская академия во Флоренции // Эстетики Возрождения. — М.: Политиздат, 1978.
14. Нестеров А.К. Гуманизм Эпохи Возрождения [Электронный ресурс] // Образовательная энциклопедия - Режим доступа: <http://gumanizm-epochi-vozrozhdeniya.html> - (Дата обращения: 21.11.2017).
15. Николай Кузанский. Соч. М., 1979—1980. Т. I —II.

16. Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности, М.Д999. – 400с.
17. Пузино И.В. О религиозно-философских воззрениях Марсилио Фичино // Исторические известия. 1917, N 2. С. 91 — 111..
18. Ревякина Н.В. Учение о человеке итальянского гуманиста Джаноццо Манетти // Из истории культуры Среднихвеков и Возрождения. М., 1976. С. 245-275.
19. Резванова Э.Д. Гуманизм как единство инновации и традиции: социально-философский аспект : В контекстеитальянского Возрождения дис. ... канд. философск. наук 09.00.11. — М., 2002. —126 с.
20. Фичино М. О моральных добродетелях. Перевод О.Ф. Кудрявцева // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М.,1996. С.437-441.
21. Флорентийская Платоновская академия : очерк истории духовной жизни ренессансной Италии / О.Ф. Кудрявцев ; [отв. ред. Л.М. Брагина] ; Ин-т всеобщ, истории РАН ; МГИМО(У) МИД РФ. — М.: Наука, 2008. - 479 с.
22. Фичино М. Платоновское богословие о бессмертии души. Перевод О.Ф.Кудрявцева // Чаша Гермеса. М.,1996. С.176-211.
23. Хлодовский Р.И. Платоновская академия во Флоренции // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1983—1994. — На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 3. — 1985. — С. 100—102.
24. Черняк И.Х. Философия религии Марсилио Фичино // Атеизм. Религия. Современность. Л., 1976. С. 50 — 64.
25. Эненкель К. Происхождение ренессансного идеала «iuni universale»: «Автобиография» Леона Баттиста Альберти // Человек в культуре Возрождения. М., 2001. С. 79 — 86.

